

СЛОВО

въ день св. Апостола Іоанна Богослова (26 сентября).¹⁾

(Христіанскій завѣтъ любви и отрицательныя стороны современной жизни).

„Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ фазу- млютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (Іоанн. XIII, 34---35).

Быстрыми, прямо гигантскими шагами движется современное человечество по пути матеріальнаго прогресса и никогда еще внѣшняя культура не достигала такихъ блестящихъ успѣховъ, какъ теперь, никогда еще область завоеваній явныхъ и тайныхъ стихій природы не была такъ широка, какъ нынѣ. Человѣкъ, дѣйствительно, сталъ царемъ и властелиномъ земли и всей природы. Онъ проникъ въ сокровенныя нѣдра земли и извлекъ оттуда несмѣтныя богатства, онъ подчинилъ себѣ силу водной стихіи, силу пара, силу огня, силу электричества; вотъ уже и на неугомонный воздухъ онъ наложилъ свою побѣдную руку; онъ окружилъ свою жизнь такими удобствами, скрасилъ такими усовер-

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Кієво-Братскаго монастыря 26 сентября 1911 года за Божественной литургіей, совершенной Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Флавіаномъ.
 Издательство Киевской Духовной Академии. Семинарей,
<http://kdais.kiev.ua>

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

шенствованиями, о которых даже наши ближайшіе предки и мечтать не могли. И, думается, если бы предки наши получили возможность встать изъ своихъ могилъ и посмотрѣть на нашу жизнь, то они поразились бы, умилились и сказали—„вотъ, когда наступилъ на землѣ золотой вѣкъ!“ Да, дѣйствительно, мы живемъ въ блестящій вѣкъ!

Но, отчего это, возлюбленные братіе, отчего, не смотря на колоссальные успѣхи виѣшней культуры, не смотря на всѣ тѣ удобства и усовершенствованія, какими окружена наша жизнь, отчего человѣчеству живется по прежнему тяжело, нѣтъ, не попржнему, а болѣе—кажется, никогда еще на землѣ не дышалось такъ тяжело, кажется никогда еще земля не стонала такъ отъ горя, слезъ, страданій, сѣтованій, жалобъ и даже проклятій человѣческихъ, какъ нынѣ? Отчего? Да не отъ того ли, что Вавилонская башня современной жизни строится въ пренебреженіи и забвеніи великихъ истинъ Христовой вѣры? Да не отъ того ли, что въ неразумной и чрезмѣрной погонѣ за мірскими благами, за удобствами жизни, люди забыли о томъ, что „едино есть на потребу“, забыли о богоподобной душѣ, забыли великія слова Божественнаго Учителя: „какая польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣдетъ, душу же свою отщетитъ?“ Да не отъ того ли, наконецъ, что по пути матеріальнаго прогресса человѣчество идетъ все впередъ и впередъ, а въ нравственномъ отношеніи опускается все ниже и ниже? И когда мы раздумаемся надъ отрицательными сторонами нашей блестящей культурной жизни, то страшно и жутко становится за будущее человѣчества. И невольно въ груди встаетъ мучительный вопросъ. Что будетъ, если всѣми изобрѣтеніями современной культуры, изобрѣтеніями великими и цѣнными, изобрѣтеніями, для которыхъ лучшіе умы человѣчества отдали свою душу, которыя, по идеѣ, должны служить только благу человѣчества, что будетъ, если ими всецѣло овладѣетъ не любовь христіанская, а чудовищный порокъ и развратъ, гордый, гнусный, преступный человѣ-

ческий эгоизмъ, и теперь уже высоко поднимающій свою голову и презрительно смѣющійся надъ великими завѣтами Христа? Если и теперь темныя силы жизни торжествуютъ, если и теперь жизнь, потерявъ свои нравственные устои, катится стремглавъ по покатой плоскости человѣческаго безумія и безнравственности, если и теперь грязной, мутной и уже широкой волной разлились по лицу земли пороки и преступленія, то что же будетъ дальше? Страшно и подумать! А нужно думать, необходимо думать всѣмъ, кому дороги интересы человѣчества, кто желаетъ ему блага. Во имя любви къ человѣчеству всѣ люди, для кого дороги завѣты Христа, кто смотритъ на жизнь не съ внѣшней, показной стороны, а освѣщаетъ ее свнутри, съ точки зрѣнія христіанскихъ идеаловъ, всѣ, кто сознаетъ бездну противорѣчія между блескомъ нашей современной культурной жизни и глубиной моральнаго обнищанія, всѣ должны сплотиться во едино, и всюду, вездѣ, гдѣ только можно, властнымъ, сильнымъ и мощнымъ голосомъ взывать къ людямъ: люди, люди, братья наши по плоти, братья и по духу, куда идете вы? Развѣ не видите, какая пропасть черная, зіяющая впереди; не будьте же безпечны и неразумны! Остановитесь, одумайтесь, оглянитесь кругомъ! Широко и красиво тотъ путь, которымъ идете вы, цвѣтами удовольствій усыянъ онъ, розами, повидимому, устланъ, но подъ этими розами вы не видите колючихъ терній и острыхъ шиповъ, врѣзывающихся въ сердце ваше и рвущихъ красивѣйшую изъ всѣхъ одежду души вашей; широко тотъ путь, которымъ идете вы, но посмотрите же, что происходитъ на немъ. Развѣ вы не видите, какая война глухая, злобная происходитъ тамъ, какъ люди-братья строятъ одинъ другому козни, вырываютъ изъ рукъ ближняго жизненныя блага, стремятся обогнать одинъ другого, какъ безжалостны они къ тѣмъ, кто стоитъ имъ на дорогѣ, съ какой легкостью давятъ они своихъ соперниковъ, не думая, что вѣдь и они—тоже люди, имѣющіе

такое же право на обладаніе жизненными благами, что и имъ хочется жить удобно, привольно и красиво; посмотрите, какой враждой горятъ лица всѣхъ, какой пламень зависти и ненависти сжигаетъ сердце каждаго; сбросьте же хоть на мигъ пелену съ очей вашихъ, имѣйте мужество взглянуть на вашу жизнь не съ внѣшней, показной стороны, а со стороны внутренней и вы сами ужаснетесь и содрогнетесь. Снаружи—она блестяща, а внутри—подточена въ корнѣ. Злоба и коварство, вражда и ненависть, презрѣніе и пренебреженіе къ людямъ, чудовищный сатанинскій эгоизмъ со всѣми его ужасными послѣдствіями,—вотъ достояніе современности. Все для себя и ничего, или какъ можно меньше, для другихъ,—вотъ самый распространенный, современный жизненный принципъ, принципъ, въ жертву котораго приносятся и долгъ и честь и нравственность, и благосостояніе ближняго, а нерѣдко и его жизнь. И бушуетъ житейское море страстей и носятся по бурнымъ волнамъ его утлые челноки человѣческой жизни, и въ то время, какъ одни изъ нихъ побѣдно и гордо высятся, другіе уже низвергнуты въ страшную пучину и тонуть и гибнутъ въ водоворотѣ житейскомъ. И дикій, безумный хохотъ, беспечный смѣхъ первыхъ сливается въ ужасный, душу раздирающій концертъ съ воплями, съ слезными мольбами о помощи и съ проклятыями тѣхъ, кого давить очерствѣлое человѣческое сердце, кого гнететъ человѣческая жестокость. „Се-книга бытія человѣча“.

Но вотъ и другая картина, запечатлѣнная на одной изъ страницъ той же великой книги бытія человѣческаго. На мрачной Голгооѣ высятся Крестъ, а на немъ Распятый за грѣхи міра Сынъ Божій. Льетса Пречистая Кровь Его изъ дланей и ногъ Его, гвоздями пронзенныхъ, медленными каплями течетъ она по лицу Его и губамъ Его, терновымъ вѣнцомъ вѣнчанной. Тухнетъ уже взоръ Его божественныхъ очей, но и потухающій—онъ устремленъ на міръ, на родъ

СЛОВО.

людовой. Съ любовью смотритъ Искушитель на тѣхъ, ради спасенія которыхъ Онъ на землю пришелъ и крестныя муки претерпѣлъ. Молчать уже божественныя уста Страдальца, но и молчаніе ихъ краснорѣчиво. Въ этомъ молчаніи слышится призывъ людей къ подвигамъ могучей, самоотверженной любви. И съ Креста идетъ міру все тотъ же Божественный голосъ, который передъ крестными страданіями вѣщалъ святымъ апостоламъ, а черезъ нихъ и всѣмъ людямъ: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, яко же возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“.

Сопоставьте эти двѣ, только что нарисованныя картины и вы содрогнетесь, какаѣ глубокаѣ пропасти лежатъ между ними. Тамъ, на Голгоѣ — чистѣйшая и святѣйшая Любовь, отдающая всю Себя въ жертву за родъ людовой, ради спасенія его, и силою своею соединяющая небо съ землею и примиряющая челоуѣчество съ Правдой Божіей, нѣкогда неправдой челоуѣческой безконечно оскорбленной, здѣсь — царство эгоизма, царство златого тельца, царство насилія, царство вражды, злобы и ненависти. Тамъ на Крестѣ — тихій стонъ челоуѣческой природы Богочелоуѣка, изнемогающаго подъ бременемъ страданій, изъ любви къ міру подъятыхъ, тихій стонъ и любовная мольба за грѣшный міръ и мучителей — „Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ“, здѣсь — съ одной стороны гнѣвныя проклятія, крикъ вражды, отчаянныя вопли страдающихъ отъ злобы людовой, безнадежныя стоны жертвъ челоуѣческаго, а часто и собственнаго эгоизма, а съ другой стороны — безпечный, веселый смѣхъ счастливицевъ, не вѣдающихъ, что такое чувство голода и жажды, не знающихъ преградъ удовлетворенію своихъ желаній, беззаботный смѣхъ баловней судьбы, которые подобно Евангельскому богачу въ причтѣ Спасителя живутъ „веселяся по вся дни свѣтло“, забывая о

бѣдныхъ, несчастныхъ Лазаряхъ, въ пыли и грязи, съ холоднымъ и голоднымъ тѣломъ, съ озлобленной душой, въ жалкихъ рубищахъ и отрѣпѣхъ валяющихся, (о, пѣтъ, не у воротъ этихъ счастливицевъ—имъ не мѣсто здѣсь), а въ грязныхъ подвалахъ, въ убогихъ хижинахъ, въ жалкихъ лачужкахъ, въ оврагахъ, у заборовъ, словомъ, вездѣ, гдѣ застанетъ ихъ темная ночь, куда склонять ихъ человѣческая немощь. Тамъ, на Голгоѣѣ — кроткій, любовный привывъ: „придите ко Миѣ вси труждающіися и обремененніи и Азь упокою вы“, здѣсь—холодное презрѣніе къ человѣческому горю, преступное равнодушіе къ людскимъ мольбамъ и страданіямъ. Тамъ, на Голгоѣѣ—любовная забота Божественнаго Страдальца о Матери, безутѣшно рыдающей у Креста Сына Своего возлюбленнаго,—„жено, се сынъ твой!“,—„се мати твоя“,—здѣсь—попраніе священнѣйшихъ обязанностей дѣтей къ родителямъ, родителей къ дѣтямъ, семейные раздоры и распри, легко разрываемыя брачныя узы, легко нарушаемыя супружескія обязательства. Тамъ на Голгоѣѣ—въ единомъ актѣ безпримѣрной любви объединенное человечество, все, безъ различія сословій и національностей, здѣсь—сословная распри, преступное человѣконенавистничество, племенная вражда, громъ пушекъ, смертельный ужасъ разрушительныхъ снарядовъ. И гдѣ же это „здѣсь“? О, если бы это „здѣсь“ было только среди невѣрующихъ язычниковъ, среди отрицающихъ Христа и Его ученіе иновѣрцевъ! Но, увы! Это „здѣсь“ среди насъ, среди тѣхъ, кто носитъ на себѣ великое и почетное имя подражателей Христа, послѣдователей Его ученія. Но что же это? Развѣ Голгоѣа скрылась изъ глазъ современнаго человечества? Нѣтъ, Крестъ Христовъ, это знаменіе нашего спасенія, это орудіе сверхчеловѣческихъ страданій, по безконечной любви понесенныхъ Сыномъ Божиимъ за родъ людской, все такъ-же ярко горитъ надъ міромъ. Все такъ же, какъ и прежде, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, полновзвучнымъ эхомъ раздаются

къ людямъ завѣтныя слова Спасителя: „Любите другъ друга“. И люди слышать эти великія слова, но однимъ они совершенно не понятны—такъ далеко ушли они уже отъ Христа, такъ низко опустились они въ бездну грѣха, такъ глубоко погрузились „въ тьму вѣка сего“, у другихъ-же эти великія слова только ласкаютъ слухъ, но не доходятъ до сердца, омраченнаго страстями, привязаннаго къ прелестямъ міра. И въ то время какъ первые на призывъ Церкви Христовой ко взаимной братской любви отвѣчаютъ или презрительнымъ равнодушіемъ, или надменными, гордыми замѣчаніями о томъ, что мораль любви христіанской — мораль устарѣвшая, мораль, тормозящая прогрессъ; въ это время другіе, подъ живымъ впечатлѣніемъ великаго завѣта о любви, полны благородныхъ мечтаній, высокихъ порывовъ, но и только. Стоитъ только жизни потребовать отъ нихъ проявленія любви, они уже бессильны и отдаются во власть чувствъ, ничего общаго съ завѣтомъ любви христіанской не имѣющихъ, а иногда и прямо противоположныхъ ей. И понятно почему. Чтобы любить другихъ чистой любовью христіанской, мы должны пожертвовать если не собою (это—высшая степень любви), то по крайней мѣрѣ своимъ, если не имуществомъ, не благосостояніемъ, то, по крайней мѣрѣ своимъ покоемъ, своими удобствами. А мы такъ ихъ любимъ, такъ ими дорожимъ. Отказаться отъ нихъ, это такъ трудно, требуетъ такой тяжелой внутренней борьбы, а вотъ къ этой-то борьбѣ мы и не привыкли. Другое дѣло—борьба съ нашими врагами, борьба съ тѣми, кто посягаетъ на наше благосостояніе, на нашу карьеру, кто стоитъ намъ на дорогѣ, о, здѣсь мы силъ не пожалѣемъ, мы здѣсь опытные въ бояхъ борцы. А бороться съ собой, съ своими грѣховными желаніями, побѣдить свой эгоизмъ, чтобы дать мѣсто осуществленію въ жизни подвига любви?! нѣтъ, этого мы не умѣемъ, у насъ на это силъ не хватаетъ. И мы спокойно закрываемъ глаза тамъ, гдѣ должны видѣть

и—уши тамъ, гдѣ нужно слышать, и бездѣйствуемъ тамъ гдѣ необходимо дѣйствовать и живемъ, живемъ нашей сѣренькой будничной дѣйствительностью, живемъ не такъ какъ Богу угодно, а какъ намъ самимъ пріятнѣе, удобнѣе. Потому-то и получается у насъ то страшное противорѣчіе между высокими идеалами христіанства и нашей жизни которое можно наблюдать на каждомъ шагу; потому-то и выходитъ, что мы именуемъ себя христіанами, а живемъ далеко не по-христіански; мы ежедневно молимся: „Отче нашъ, да придетъ царствіе Твое“, а сами для осуществленія этого царствія Божія и дѣлать ничего не хотимъ. А вѣдь царствіе Божіе есть прежде всего царство любви, любви живой и дѣятельной, любви, все одухотворяющей, все оживляющей и все объединяющей. Но гдѣ жъ среди насъ быть царствію Божію, когда этой-то главной силы, которая должна лежать въ основѣ всей жизни нашей, руководитъ всей дѣятельностью нашей, между нами нѣтъ, когда не любовь, а вражда и ненависть царятъ между нами. Вотъ гдѣ корень всѣхъ золъ и бѣдствій нашей личной и общественной жизни, вотъ гдѣ причина всей тяжести условій нашего современнаго бытія. И до тѣхъ поръ, пока люди не сознаютъ весь ужасъ и всю пагубность построения жизни на началахъ эгоизма и взаимной вражды, до тѣхъ поръ, пока изсохшее русло общественности не оживится влагой христіанской любви, до тѣхъ поръ человѣчество никогда не перестанетъ снѣдаться такъ называемыми проклятыми вопросами жизни, до тѣхъ поръ оно никогда не перестанетъ раздираться внутренними неурядицами, до тѣхъ поръ оно ни когда не освободится отъ тѣхъ ужасныхъ призраковъ „войны всѣхъ противъ cadaго и cadaго противъ всѣхъ“, со всѣми ея ужасами, отъ тѣхъ призраковъ, которые составляютъ знаменіе нашего времени, до тѣхъ поръ никогда какъ бы ни были блестящи условія внѣшней жизни, не вздохнетъ человѣчество на землѣ спокойно. „Аще языки

человѣческими глаголю и ангельскими*, говоритъ св. апостолъ Павелъ, „любве же не имамъ, быхъ, яко мѣдъ звѣнящи, или кимвалъ звяцаѣй. И аще имамъ пророчество и *вѣмъ тайны вся и весь разумъ* и аще имамъ всю вѣру, яко и горы престаवляти, *любве же не имамъ*, ничтоже есмь“ (I Кор. XIII, 1—2).

О, если бы всѣ люди поняли эти простыя мысли, о, если-бы всѣ не умомъ только, но и всѣмъ сердцемъ почувствовали красоту и величiе подвига взаимной христіанской любви, о, если-бы эта желанная гостыя изъ области мечтаній и ожиданій перешла въ дѣйствительность, о, если бы эта райская обитательница съ небесныхъ высотъ слетѣла на нашу грѣшную землю, скрѣпила всѣхъ священными, неразрывными узами, высушила слезы, потоками льющіяся изъ очей страдальцевъ земли, согрѣла нашу, зачерствѣвшую въ погонѣ за тлѣнными благами міра, душу,—какой красотой и не внѣшнимъ только, а внутреннимъ блескомъ засіялъ бы тогда міръ Божій, какимъ глубокимъ, смысломъ исполнилась бы вся наша жизнь. То былъ бы по истинѣ „золотой вѣкъ человѣчества“, то было бы истинное, всѣми сынами Христа ожидаемое Царствіе Божіе! Аминь.

Викторъ Фаминскій.